

Ощущение падения от столкновения с маленьким кроликом странным образом напомнило то, что он испытал, низвергаясь с небесного свода. В тот день, стремительно летя вниз с облачных высот, Янь Фэйду был уверен, что погибает. Кто именно из трех культиваторов стадии Преодоления Бедствий устроил ему засаду, он так и не узнал, но без Облачного Моря за Пределами Небес тут явно не обошлось. Впрочем, хоть сам он и дошел до такого плачевного состояния, те трое тоже самоуничтожились, сгинув без следа, — обмен вышел вполне равным.

Облаченный в алые одежды бессмертный камнем рухнул в воду, словно подстреленный журавль, неспособный больше подняться ввысь. Подумать только: великий Бессмертный Владыка Исполнения Желаний чуть не сгинул такой жалкой смертью! Плоть его была сожжена и изъедена ядом почти до костей, духовный первоисточник — первозданный дух-юаньшэнь — расколот на куски; издали он походил скорее на обтянутый тонкой кожей скелет. Впрочем, даже на такой иссохший остов среди демонических депрессий Горы Туло с легкостью нашлись бы охотники — жадные до чужого духовного мяса твари.

Алая кровь хлынула в воду, окрашивая ее в багровый цвет; должно быть, так же выглядели волны, когда Нэчжа вырвал сухожилия у Третьего принца Восточного моря — будто само переполненное обидами и скорбью Желтое Поместье выплеснулось в мир смертных.

Взор Янь Фэйду угасал, сквозь толщу воды он различал лишь слабый, еле мерцающий лучик. И вдруг прямо сквозь этот свет тонкая, белая, словно выточенная из нефрита рука рассекла водную гладь и подхватила его.

Так он обрел спасение.

Первые несколько дней Янь Фэйду не мог даже разлепить век, беспомощно лежал на спине. Он чувствовал лишь, что кто-то уложил его в сухой пещере, щедро смазал раны снадобьями и туго перебинтовал.

В ходячих людских романах часто встречались подобные завязки: какой-нибудь любимец судьбы терпит крах, попадает в беду, его спасают — и он тут же без памяти влюбляется в своего спасителя, пылая желанием посвятить ему себя телом и душой. Прежде Янь Фэйду считал подобные истории не глупостью даже, а скотским вожделением под маской благодарности. Человек проявил милосердие, спас тебе жизнь — так отблаговари его! Разве мало на свете редких сокровищ, сокровенных снадобий и небесных кладов? Зачем навязывать кому-то свое бесполезное "пожертвование тела"?

Но вот пришел день, когда Янь Фэйду смог открыть глаза. Юноша, стоявший к нему спиной и варивший целебный отвар, медленно повернулся.

В душе Янь Фэйду воцарилась звонкая, абсолютная тишина. Прошло немало времени, прежде чем до него дошел смысл собственного ошеломления.

«Что ж, — подумал он. — Признаю. Я — скотина».

Тогда он до досады жалел, что не может разомкнуть губ и вымолвить ни слова, — иначе непременно расспросил бы юношу и об имени, и о его роде на Горе Туло, и о том, куда устремлен его путь. Однако, взглянув на себя и понимая, что сейчас видом своим мало отличается от уродливого беса, Янь Фэйду заставил себя подавить порыв и затаиться. Сперва нужно хотя бы снова стать похожим на человека.

Увы, судьба распорядилась иначе: не успел он даже вернуть способность двигаться, как его отыскал давний друг.

Янь Фэйду тогда и слова «нет» выговорить не мог. Обеспокоенный приятель подхватил его и увлек прочь, доставив прямо к Источнику Возвращения к Жизни. Лишь теперь, спустя долгое время, Бессмертный Владыка обрел способность делать первые шаги. Вернуться на Гору Туло он пока не мог при всем желании.

И надо же было такому случиться: услышав, что прибывший к воротам обители кролик явился именно с Горы Туло, обычно избегавший чужаков Янь Фэйду словно под действием неведомой силы выскочил наружу. Он думал лишь проявить снисхождение: учеников он не берет, но почему бы не позволить малышу подсмотреть пару приемов?

Кто же знал, что благодарность этого кролика окажется настолько... весомой.

Влажная, смоченная в теплой воде ткань мягко коснулась лба Янь Фэйду. Его сомкнутые веки чуть дрогнули. Прикосновение казалось до боли знакомым — точно так же тогда, в пещере, тот юноша отирал его горячий лоб. Неужели...

Янь Фэйду резко распахнул глаза — и обомлел.

Прямо перед его носом красовалась огромная, невероятно приближенная кроличья мордочка! Мягкая пушистая шерстка теплого коричневого оттенка, выпуклые блестящие глазищи, нежная трехпалая губка и крошечные лапки — короче его собственных ушей. А в лапке... зажат маленький носовой платочек.

В то же мгновение Янь Фэйду мгновенно вернулся из состояния «скотины» в обличье разумного человека.

— Бессмертный! Вы очнулись! — с нескрываемым восторгом воскликнул Хан Цзянсюэ.

Только-только Хан Цзянсюэ отер лоб раненого, как тот открыл глаза. В этих очах, казалось, растворились крупницы золотых звезд и далекие туманности. Сперва они были подернуты дымкой, источая нездешнюю нежность, но стоило туману рассеяться, как взор бессмертного снова стал чист и бесстрастен, словно небо после грозы.

— Простите меня, бессмертный, я... я не рассчитал сил... — виновато забормотал зайчонок, помня, что нынешнее состояние бессмертного — исключительно его «заслуга».

Янь Фэйду, опираясь о ложе, медленно поднялся и сел. Окинув взглядом покой и задержав взор на малыше, он первым делом подумал: «И как только этот крошечный комочек шерсти умудрился затащить меня на кровать?»

— Это мой давний недуг, ты ни в чем не виноват.

На мохнатой мордашке Хан Цзянсюэ отразилось крайнее изумление: «Надо же, неужели даже бессмертные страдают от упадка сил?!»

Янь Фэйду произнес это лишь для того, чтобы успокоить зверька и избавить от чувства вины, но мордочка кролика вдруг сделалась необычайно серьезной.

— Раз так, бессмертный господин, нанимите меня! — выпалил Хан Цзянсюэ.

Янь Фэйду насторожился:

—... Звучит неоднозначно.

Хан Цзянсюэ, впервые в жизни пытавшийся сбросить самого себя с рук, крепче сжал лапки в кулачки:

— Учеников вы не берете, но согласились обучить меня искусству меча. Я же не могу беззастенчиво пользоваться вашей добротой! Я ведь не только мышей ловить умею, но и ухаживать за вами могу. Вы ведь слабоваты здоровьем, а если снова упадете без чувств — что тогда делать?

— Я вовсе не слаб здоровьем, — возразил Янь Фэйду.

Пушистый кролик ответил вежливой, снисходительной улыбкой, словно из милосердия берег тщеславие бессмертного.

— А что до найма... ты имеешь в виду договор о найме питомца-кота? — уточняя, спросил Янь Фэйду.

Едва прозвучали эти слова, Хан Цзянсюэ тут же закрыл обеими лапками круглые щеки, словно от смущения.

— Я ничем не хуже обычного кота! Разве что ростом пониже, но вы точно не прогадаете!

Видя, что Янь Фэйду хранит молчание, Хан Цзянсюэ из последних сил пытался сохранять хладнокровие. На крайний случай... он согласен даже на дармовой хлеб, лишь бы его не прогнали прочь за навязчивость!

В Обители Опавших Персиков все было безупречно, и уж если здесь и держали котов, то наверняка сильных, с лоснящейся шерстью, настоящих мышиных царей, способных одной лапой придушить грызуна. Он-то на такого явно не тянул.

Хан Цзянсюэ уже собрался было дать себе задний ход, как вдруг Янь Фэйду вымолвил:

— Принеси мне бумагу и кисть.

Зайчонок вмиг вострепнулся! Обогнув ширму с традиционным пейзажем, он вскочил на письменный стол, подхватил кисть, тушь и бумагу и поднес их бессмертному.

Приняв принадлежности, Янь Фэйду прислонился к подоконнику и приступил к письму.

В семье Хан Цзянсюэ в свое время взяли по договору восемь котов, так что подобные документы он видел не раз. Строгие, острые, словно клинки, иероглифы покрыли белое полотно. Однако в самом центре, где полагалось красоваться портрету кота, красовался живописный набросок кролика.

Янь Фэйду набрасывал рисунок, время от времени бросая взгляд на своего натурщика. Бессмертный владел живописью в совершенстве — всего несколькими точными штрихами он сумел уловить и передать саму суть маленького Хан Цзянсюэ.

До чего же похож! Хан Цзянсюэ от восторга даже принялся притопывать задними лапками.

— Как твое имя? — занес кисть Янь Фэйду над местом для имени.

— Хан Цзянсюэ! — малыш гордо вскинул лапку.

Имя Хан Цзянсюэ выделялось даже на Горе Туло — он сам вычитал его в старинных фолиантах. Детское прозвище Туаньтуань казалось ему чересчур несолидным для будущего великого мечника!

Сидя на ложе, Янь Фэйду протянул только что составленный договор застенчивому зверьку. Пусть Хан Цзянсюэ не прибыл на Гору Туло в красном свадебном паланкине, с этого момента все было оформлено по всем правилам.

— В мире смертных при найме питомца принято давать фунт сахара или фунт вяленой рыбы. Что до тебя...

Янь Фэйду задумался: раз перед ним кролик, не заготовить ли для него свежих овощей и фруктов?

Но не успел он закончить мысль, как Хан Цзянсюэ расплылся в довольной улыбке:

— А я больше всего на свете люблю сушеных рыбок!

Что и говорить — уникальный кролик, раз ради кошачьего статуса поменял даже вкусовые пристрастия!

Так один вручил грамоту и дары, а второй с благодарностью принял их. На бумаге вспыхнули божественные руны — свидетелями союза стали сам Восточный Владыка-гун и Западная Владычица-мать, ниспославшие свое благословение.

«Восточный Владыка-гун свидетельствует: на юг не убежит; Западная Владычица-мать свидетельствует: на север не унесется».

Отныне заветный «котик» этого дома никогда не потеряется.

— А как звать вас, бессмертный? — вспомнив о самом главном, спросил Хан Цзянсюэ.

— Янь Фэйду.

Имя его происходило из старинного стиха: «В бездонной лазури смутные тучи реют сквозь прохладу, сменяя бесчисленный алый цвет».

Так они обменялись именами.

Несколько дней спустя по длинной крытой галерее, удерживая на макушке маленький глиняный кувшин, топтал Хан Цзянсюэ. В кувшине находился целебный отвар для бессмертного.

За эти дни зайчонок не раз беседовал с ним, однако раны Янь Фэйду еще не затянулись, и тот спал куда больше, чем бодрствовал.

Как-то раз бессмертный спросил: «Кто на Горе Туло самый красивый среди демонов?»

Хан Цзянсюэ, не задумываясь, назвал матушку, а вслед за ней — братьев и сестер. На это Янь Фэйду лишь вздохнул с видом «кто бы сомневался» и снова бессильно опустился на подушки.

И вот теперь малыш, балансируя отваром, нерешительно замер у порога кабинета, осторожно заглядывая внутрь. Очнулся ли хозяин?

Просторный кабинет Янь Фэйду отапливался духовными камнями; в комнате царило мягкое тепло и витал еле уловимый изысканный аромат. Сам хозяин восседал у круглого резного окна. В пальцах он небрежно крутил позолоченную резную трубку, украшенную изумрудами. Белесый дымок струился вдоль широких алых рукавов, расшитых золотыми нитями в виде мифических цилиней. Впрочем, Янь Фэйду не курил — лишь отстраненно вертел вещь в руках.

Стоило Янь Фэйду поднять взор, как он заметил плывущий над дверным порогом край кувшинчика — ростом кролик был аккурат с порог, так что сосуд на его голове еле виднелся.

— Входи, — отозвался бессмертный.

Хан Цзянсюэ ловко перемахнул через порожек, прыжками приблизился к столу, привычным движением достал чашу, налил лекарство и поднес его бессмертному:

— Бессмертный! Ваше снадобье!

Хотя они уже открыли друг другу имена, Хан Цзянсюэ стеснялся звать хозяина напрямую и по-прежнему величал его «бессмертным».

Рецепт этого отвара явно был непростым: пока зайчонок варил его, от пара веяло таким лютым холодом, что малыш чихнул добрый десяток раз. Видя, как Янь Фэйду выпивает горькое зелье, не поведя и бровью, Хан Цзянсюэ проникся к нему глубочайшим почтением.

Осушив чашу, Янь Фэйду отставил ее в сторону. Он уже собирался вымолвить слово, как заметил, что кролик снизу вверх неотрывно смотрит на него.

— Что-то не так? — спросил бессмертный.

— Вы невероятно красивы! — чистосердечно выложил Хан Цзянсюэ.

Даже простой прием лекарства выходил у Янь Фэйду удивительно утонченным: длинные, выточенные из нефрита пальцы, чуть приподнятый подбородок, опущенные ресницы, отбрасывающие легкую тень на скулы, и ниспадающие алые рукава с узорами. Он выглядел вылитым знатным принцем из рыцарских романов.

Привыкший к двусмысленным речам и завуалированным колкостям, Янь Фэйду давненько не слышал столь искренних похвал. Он решил вежливо ответить:

— Благодарю. Ты тоже весьма хорош собой.

Зайчонок расцвел от счастья, его ушки радостно заплясали из стороны в сторону. На Горе Туло никто и никогда не называл его красивым: в облике зверя оборотни дразнили его коротконожкой и пухлым колобком, а видя его человеческий облик, и вовсе взъерошивались и неопределенно бубнили, что выглядит он «до жути странно».

Янь Фэйду тем временем продолжил:

— Сегодня мне получше. Покажи-ка, как ты обычно обращаешься с мечом.

Многие приходят к наставникам уже с некоторой базой. Пусть Янь Фэйду и не мог официально взять его в ученики, перед началом обучения следовало оценить способности малыша.

Однако кролик, обычно веселый и беззаботный, вдруг весь сжался.

— Я... я на самом деле толком и не умею...

В памяти Хан Цзянсюэ ожил хохот горных демонов, насмехавшихся над его фехтованием — мол, он не мечом орудует, а потешает публику на ярмарке.

— Вы будете смеяться надо мной.

Янь Фэйду лишь качнул головой и взглянул на него столь спокойным взглядом, словно даже рухну перед ним небеса, он и бровью не поведет.

Хан Цзянсюэ решительно сжал лапки: преодолеть такой путь до Обители Опавших Персиков ради искусства меча — и испугаться какого-то позора?

С глубоким почтением зайчонок извлек на свет свой собственноручно выточенный деревянный мечик, встал на стол и, отвесив Янь Фэйду ритуальный поклон с оружием в руках, сделал первый выпад.

Поначалу Янь Фэйду намеревался взглянуть лишь из любопытства, но то, что предстало его взору, превзошло ожидания. Техника была хаотичной и сумбурной — скорее уж бестолковые взмахи, но...

Закончив показ, Хан Цзянсюэ с трепетом оглянулся на бессмертного. Все эти движения он придумал сам, когда по вечерам гонялся с деревянным мечиком за светлячками. Интересно, как вышло?

Лицо Янь Фэйду оставалось непроницаемым.

Зайчонок совсем пал духом: неужели «представление» провалилось? Хан Цзянсюэ предпочтительнее услышать смех, чем наблюдать это каменное молчание!

Янь Фэйду наконец неторопливо вымолвил:

— И кого ты поражал этим мечом? Помимо мышей.

Хан Цзянсюэ принялся загибать пальчики:

— Оборотня-леопарда, медведя, да еще карпового духа, что время от времени вылезал на берег...

Словом, всех подряд обитателей демонической горы. Живя бок о бок с оборотнями, странно надеяться на мирные беседы за чтением книг. Понятное дело, при каждом удобном случае все они сходятся в драке!

Янь Фэйду задумчиво постучал кончиками пальцев по столешнице.

«Неужели я и впрямь настолько безнадежен?» — сокрушался про себя малыш.

Но тут бессмертный произнес:

— Твои движения несовершенны, однако в них уже проглядывает сама суть Пути. Форма меча — лишь плоть, тогда как его Дао — кости. Тебе нужна лишь закалка: когда твое Дао обретет совершенство, ты шагнешь на иную высоту.

На мордочке Хан Цзянсюэ отразилось полное недоумение: какое еще Дао? Разве у него есть Дао? Путь ярмарочного скомороха, что ли?

— А что до закалки... — Янь Фэйду подумал о недавних смутах и понял, что спокойствие в этих краях продлится недолго, так что искать испытания не придется. — Она придет сама.

Зайчонок несмело поднял лапку:

— Но я понятия не имею, в чем заключается мое Дао меча.

Янь Фэйду тихо ухмыльнулся:

— Дао меча — это отпечаток того, что сокрыто в самой глубине твоей души. Я вижу лишь внешнее проявление, но осознать и довести его до совершенства сможешь только ты сам. Не торопись: за исключением редких гениев, большинству людей требуются века, чтобы постичь истинный предмет своих устремлений.

Унося опустевшую чашу, Хан Цзянсюэ продолжал гадать о своем Дао. Что же для него всего важнее на свете? Размышляя так и этак, он пришел к единственному выводу: разве не то самое?

<http://bllate.org/book/20471/2106527>